

А.А.Щелчков

У истоков колумбийского консерватизма: Хосе Эусебио Каро

В статье исследуется творчество видного колумбийского мыслителя, поэта, писателя и общественного деятеля XIX в., основателя консервативной партии Хосе Эусебио Каро. Его оригинальные общественно-политические взгляды представляют особое направление в общественной мысли — социальный консерватизм, близкий по своей природе утопическому социализму и социал-христианству.

Ключевые слова: социальный консерватизм, социальная утопия, клерикализм, христианский социализм.

В латиноамериканской общественной мысли XIX в. особое место занимает социальный консерватизм, в котором переплетались как традиционализм и испанизм политического консерватизма, так и христианский социализм и идеи социальной справедливости. Консерватизм в Латинской Америке питался не только испанской неосхоластикой и клерикализмом, восходящими к колониальному прошлому, но и новыми идейными веяниями, европейским романтизмом, торжествовавшим в эпоху Реставрации и Священного союза в Европе. Консерватизм как в Европе, так и в Латинской Америке был идейной реакцией на индивидуализм и рационализм, ставшие господствующей системой взглядов в обществе после Великой французской революции. Он противопоставлял им христианскую мораль, религиозность и традиционные сословные устои, в своей совокупности формировавшие представление консерваторов о социальной гармонии.

Вполне естественным для XIX в., особенно в первой половине столетия, в латиноамериканских странах был частый переход либеральных политиков и мыслителей на позиции социализма или социал-либерализма, в то время как консерваторы единодушно выступали против новомодных европейских теорий радикального либерализма и социализма. Однако влияние социалистических и социал-республиканских идей после европейских ре-

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (sch2000@mail.ru).

волноций 1848 г. было столь всеобъемлющим, что даже консервативные мыслители не могли не реагировать на него, стремясь найти свой ответ на те вызовы, которые предъявляла новая эпоха.

Важнейшим источником идейного вдохновения как у молодых либералов, так и у консерваторов была деятельность и взгляды основателей французского социал-христианства и либерального католицизма Фелисите Робера Ламенне и Жана-Батиста Лакордера. Бурные проповеди и тексты первого, речи и лекции второго первоначально всколыхнули Францию, а затем и весь католический латинский мир. Со временем их взгляды радикализировались, и мятежный аббат Ламенне оказался вне церкви, а его идеи преодолели континенты и стали знаменем целого поколения в Новом Свете. В различных странах Латинской Америки социал-христианское наследие Ламенне было положено в основу новых идейных построений политиков и мыслителей как либерального направления, так и консерваторов.

В середине XIX в. во многих странах региона либеральные и консервативные партии находились на начальном этапе формирования собственной идеологии, создания оригинальной политической программы. Они были не только идейно-политически близки друг к другу, но переживали одинаковые внешние воздействия со стороны новых идей и политических потрясений в Европе. В тот период, особенно в таких странах, как Колумбия (Новая Гранада), консерваторы порой называли себя настоящими либералами в отличие от «красных» радикалов, также считавших себя либералами. Идеологическое и политическое отделение консерваторов от либералов происходило очень медленно, сопровождалось постоянными сменами «вывесок» и переходами из одной партии в другую, пока в конце 40-х годов оно не стало окончательным и четким. Тем не менее обе политические группы имели общие идейные источники, питались одними и теми же идеями просвещения и рационализма. Существует исторический анекдот о том, как один из видных колумбийских политиков-консерваторов Мариано Ospina радостно бросился бить в колокола кафедрального собора в Боготе, получив известия о февральской революции во Франции 1848 г. и о свержении монархии¹. Он же затем был готов возглавить «крестовый поход» против последователей французского 1848 г. в Новой Гранаде. После Войны за независимость республиканизм одинаково вдохновлял и консерваторов, и либералов. Однако именно революция 1848 г. ускорила их размежевание и обусловила непреклонность в отстаивании своих принципов.

Постепенно в лоно консервативных партий проникали идеи социальной справедливости и равенства, которые отнюдь не всегда вызывали отторжение и враждебность. Этому способствовало разочарование от противоречивых по-

Хосе Эусебио Каро

следствий промышленной революции в Европе, с сопровождающими ее вопиющим по своей бесчеловечности разрушением человеческой личности, забвением христианских (евангельских) ценностей, отчаянным ростом пауперизма, пролетаризации, моральной деградации народных низов. Неприятие такого типа прогресса в Европе заставляло латиноамериканских консерваторов искать иные рецепты развития и сохранения традиционных устоев своих народов.

В Мексике, Колумбии, Венесуэле появлялись оригинальные мыслители, остававшиеся верными доктрине консерватизма, но при этом искавшие свой путь к социальной справедливости, равенству и братству. В данной работе будут проанализированы взгляды одного из основателей консервативной партии Колумбии, оригинального мыслителя Хосе Эусебио Каро, одного из немногих политиков и мыслителей, составивших особое направление в консервативной социальной мысли, ставшего предтечей не только современного латиноамериканского социального консерватизма, но и опередившего исторический поворот католической церкви в конце XIX в. к вопросам социальной справедливости, выраженным в папской энциклике «*Rerum Novarum*».

В Колумбии консервативная партия вела свою родословную от диктатуры Освободителя Симона Боливара. Временем оформления этого политического направления в партию был период середины XIX в. А именно, в конце 40-х годов Мариано Ospina Родригес и Хосе Эусебио Каро на страницах газеты «*La Civilización*» сформулировали основные принципы колумбийского консерватизма, суть которых сводилась к сохранению социального статус-кво при медленном развитии всех общественных институтов и приверженности исключительному положению церкви в государстве².

В политике под консерватизмом понималось прежде всего стремление к сохранению традиционных структур, обычаев, образа жизни и религиозного сознания народа. Вместе с тем важнейшим мотивом действия консервативных политиков было не только сохранение «старины», но и в первую очередь желание не разрушать социальное равновесие в обществе, вернуть в него духовную и материальную целостность, подвергавшуюся угрозе из-за нетерпеливых и непродуманных радикальных реформ. Именно в последнем и состояла основная мотивация консервативной доктрины. Однако ввиду того что традиция восходила к колониальному прошлому, к сеньориальным привилегиям креольского меньшинства и церкви, консерватизм стал прочно ассоциироваться с испанофильством, клерикализмом и ретроградной политикой в социальных вопросах.

Консервативная идея отличалась размытостью и часто противоречивостью доктрины, но при этом характеризовалась высокой степенью прагматизма, что порой приводило консерваторов в стан своих противников — либералов и даже радикалов³. Константой были лишь религиозная непримиримость и иногда даже фундаментализм.

Колумбийская консервативная партия была гораздо более сложным явлением, чем это представлено во множестве исследований да и в национальной исторической мифологии. Консерваторов описывали представителями реакции, клерикализма, защитниками интересов олигархии, латифундистов-землевладельцев, т.е. всех ретроградов. На самом деле консерватизм в Колумбии представлял собой амальгаму политических течений самого разного свойства — от клерикально-охранительной до социал-христианской и демократической. Безусловно, среди представителей консервативной партии были и крайне реакционные политики, открыто заяв-

лявшие о защите привилегий креольского меньшинства, «Богом данных» прав и иерархического устройства сословного общества. Однако же такая позиция не относилась к консервативной доктрине в целом.

Консерваторы, находившиеся у власти в Колумбии в 40-е годы XIX в., объединяли вокруг себя обширный круг политиков и мыслителей, порой радикально отличавшихся своими взглядами. Консерваторами считали себя сторонники различных идейных течений — от романтического традиционализма до клерикального ультрамонтанства. Идейными вождями колумбийского консерватизма были историки и государственные деятели Хосе Мануэль Рестрепо, Хосе Мануэль Гроот, публицисты Хосе Эусебио Каро, Мануэль Мариа Мадьедо⁴.

В отличие от реакционно-клерикального крыла консервативной партии во главе с Рестрепо и Гроотом в консервативной партии сформировалось социал-христианское и в некотором смысле утопическое течение, видными представителями которого были Хосе Эусебио Каро и Мануэль Мариа Мадьедо.

На их взгляды повлияла бурная идейная борьба середины века, ставшая в значительной мере результатом событий 1848 г. в Европе. Консерватизм реагировал на социальное брожение и влияния европейских идей эпохи революции 1848 г. не только через усиление ультрамонтанной и клерикальной реакции, но и выработкой некоторого подобия социальной доктрины, немало позаимствованной у социал-романтизма и даже утопического социализма. В центре внимания Каро, как и Мадьедо, был поиск идеальной модели общественного устройства; их волновала судьба бедноты, нищих, убогих, «отверженных», как у Виктора Гюго, но без революционного пафоса, а в утопическом и христианском духе. Они всегда противостояли атеизму и материализму либералов. Оба были предшественниками будущего социал-христианского движения в Колумбии.

Хосе Эусебио Каро (1817—1853) был выдающимся мыслителем и политиком, одним из лидеров консервативной партии первой половины XIX в. Он прожил короткую, но яркую жизнь, сумел оставить серьезный след в колумбийской общественной мысли. В студенческие годы он был увлечен литературой, поэзией. Помимо разрешенной классической поэзии тайно читал Ламартина и Гюго, ставших идолами новогранадской молодежи.

Студентом он познакомился с неким доктором Арганилем, являвшимся приметной и оригинальной фигурой в Боготе. Этот знаток современной философии, «старый якобинец с мефистофельским характером» был проводником Каро в мире европейской мысли. Франсуа Мари-Вольтер, Жан-Жак Руссо, Поль Гольбах и, главное, Иеремия Бентам полностью захватили молодого Хосе Эусебио⁵.

В 1840 г. во время «Войны Верховных» Каро вступает в армию, чтобы бороться с восстанием генерала-либерала Хосе Марии Овандо, а в 1841 г. был избран депутатом парламента. Тогда началась его активная политическая деятельность. В 1843 г. у него родился сын Мигель Антонио, в будущем ставший вице-президентом (1892—1894), а затем фактическим президентом (1894—1898) страны, но главное — самым глубоким и талантливым мыслителем Колумбии в XIX в.

В конце 40-х годов Хосе Эусебио Каро уже известный политик и публицист. Редактирует такие издания, как «La Civilización», «El Conservador», «El Granadino», сотрудничает почти с десятком различных газет. В ноябре 1949 г.

Карикатура на Хосе Иларио Лопеса.
«El Día», N 796, 1.III.1851

в газете «La Civilización» Каро совместно с Мариано Оспина Родригесом опубликовал программную статью, где сформулировал принципы и программу консервативной партии, которая именно с этого момента ведет отсчет своей истории (ранее именовавшаяся министеральной и даже «либеральной партией порядка»), начинает называться консервативной.

Политическая активность Каро, защита принципов консервативной партии, опасное для правящих либералов публицистическое перо привели в 1850 г. к его изгнанию из страны. Он проиграл суд о клевете против видного деятеля либеральной партии, лидера его молодежного крыла Хосе Мариа Самперы. Не признав результаты суда, Каро укрылся в английском посольстве. Сампер в своих воспоминаниях сожалел о происшедшем и утверждал, что хотел лишь, чтобы Каро извинился за неверную информацию, ибо был

уверен, что тот просто был плохо проинформирован. По утверждению Сампера, Каро не захотел объясняться, полагая, что суд является частью общей кампании преследований против него и его партии. В таком настроении он предпочел бежать из страны и эмигрировал в США⁶.

Каро пробыл в Нью-Йорке несколько месяцев и решил вернуться на родину. Однако добравшись до Картахены и получив очень тревожные сообщения о политической ситуации в Боготе (это время гражданской войны и восстаний консерваторов против либерального правительства Хосе Иларио Лопеса), он покидает Колумбию и возвращается в США. Через два года, в 1853 г., он вернулся в Новую Гранаду. Лишь вступив на родную землю, 28 января 1853 г. он скоропостижно скончался в Санта-Марте⁷. Через несколько лет его могила на берегу моря была размыта водой, не оставив стране захоронения одного из самых замечательных ее сыновей, поэта, мыслителя, философа, политика Хосе Эусебио Каро⁸. Тогда как бы исполнилось его собственное пророчество из стихотворения «В открытом море», в котором героя, изгнанного из родной страны, скорбящего по ней, забирает с собой море и уносит от родных берегов: «Oh, Morir en el mar, morir terrible y solemne,/ digno del hombre! — Por tumba el abismo, el cielo por palio! / ¡nadie que sepa dónde nuestro cadáver se halla! / Que eche encima el mar sus olas — y el tiempo sus años!»⁹.

Наследие Каро богато и разнообразно. Это — поэзия, художественная проза, философские трактаты, памфлеты и политические статьи. Поэзия Каро наполнена глубокими социальными и философскими размышлениями о человеке, о его природе, о смысле существования и об идеальном общественном устройстве. Он постоянно ищет суть человеческого предназначения и «образ Бога» в жизни человека. Каро в своих стихах приходит к философи-

ским метафорам, отражающим этические основы его воззрений: «Не в обретении блага, но в поисках его заключается добродетель и духовное здоровье»¹⁰.

Его учителем был один из лидеров либералов, ярый поклонник и пропагандист бентамизма Эсекиэль Рохас. Взгляды Каро формировались под влиянием дискуссии о Бентаме и утилитаризме конца 20-х годов. Сначала Каро страстно защищал идеи Бентама, но затем он присоединил свой такой же страстный голос к тем, кто резко критиковал утилитаризм. В одной рукописи, найденной в семейном архиве (авторство, возможно, принадлежит его сыну Мигелю Антонио Каро), говорится, что Хосе Эусебио вдруг мог «полюбить то, что до этого ему казалось скучным, и возненавидеть то, что раньше любил»¹¹. Каро не знал полутонов, а его политическая страстность была причиной многих конфликтов и проблем в обыденной жизни.

Его перу принадлежит большая работа, посвященная разоблачению бентамизма с моральных позиций христианства: «Письмо дону Хоакину Москера о принципах утилитаризма»¹². В эти годы Каро открывает для себя Сен-Симона и Огюста Конта, которые ему кажутся альтернативой утилитаризму, и проникается утопическими и романтическими идеями одного, и с восторгом воспринимает примирение науки и религии у другого.

В 20 лет Каро уже известный и влиятельный публицист. В 1837 г. он написал серьезную работу «Философия христианства», в которой пытался примирить религию и науку, соединить веру, церковь и идеи прогресса. Каро повторял формулу Конта: порядок (читай традиция, религия) и прогресс¹³. Он открывает для себя апологета свободной торговли и главного спорщика с Прудоном Федерика Бастиа, часто цитирует его «Экономику гармонии», безоговорочно принимает принципы прогресса, исторического оптимизма, индивидуализма, идеи свободной торговли, теорию общественного договора. Каро много и увлеченно изучал Ж.-Ж.Руссо, Ф.М.Вольтера, К.А.Гельвеция, П.Гольбаха, М.Ж.Кондорсе, О.Конта, Антуана Дестюта де Траси, читал Дж.Г.Байрона и Вальтера Скотта¹⁴. К этим романтическим увлечениям следует добавить неиссякаемый интерес Каро к средневековью, к схоластике и томизму.

В конце 30-х — начале 40-х годов его настольными книгами становятся труды Хайме Бальмеса, Франсуа Рене Шатобриана, Луи де Бональда, Жозефа де Местра¹⁵. В эти годы он увлекается испанским неосхоластом, католическим философом Хайме Бальмесом, ставшим чрезвычайно популярным в Латинской Америке в 40—50-е годы XIX в. В своих работах этого периода Каро часто ссылается также на Алексиса Токвиля, Ж. де Местра, Джона Стюарта Милля. Он видел источник зла в эпохе Просвещения, в вольтерьянстве и рационализме. При всем этом Каро остался большим поклонником Руссо, отвергая лишь его религиозные взгляды. Для Каро Руссо был предшественником романтизма, человеком, раздираемым сомнениями и противоречиями, но сумевшим оставить миру гениальные прозорливые мысли о человеке и его духе¹⁶.

Большое влияние на него оказала поездка в США, которые становятся для него почти идеальной моделью общества. Именно эта поездка сделала его поборником свободы торговли и экономической деятельности как панацеи от войн, нищеты и страданий народа. Каро считал, что свобода торговли и развитие промышленности покончат с войнами, границами, государствами, а на земле воцарится всеобщий мир. Он писал: «Политическая свобода — не принцип, а цель и результат, и не эта свобода принесла промышленность и торговлю, а наоборот, промышленность и торговля в бу-

дущем создадут подлинную свободу»¹⁷. При этом мерилom гармоничного развития для Каро были мораль, сохранение религиозных устоев и традиционного быта. Христианская мораль являлась главным критерием, при помощи которого следовало оценивать результаты материального прогресса. Составная часть христианской этики у Каро — справедливость. Мораль и справедливость должны лежать в основе развития цивилизации¹⁸.

К содержащимся в программе консервативной партии принципам закона и мира Каро и Оспина в 1849 г. добавили принцип справедливости. Он звучит так: «Справедливость часто противостоит корыстному интересу, а люди руководствуются бескорыстными чувствами, и по природе они стремятся к справедливости». А реализуется это принцип лишь через религиозное чувство и христианскую этику¹⁹.

Справедливость, согласно Каро, нужна всему обществу, но бедняки, нищие без нее имеют все основания для восстаний, протеста, анархии. Он писал: «Отказывая слабому в справедливости, мы подталкиваем его к мести, к справедливости через страсти, в то время как необходима справедливость по закону»²⁰. Каро изучал Гельвеция и считал его «Ньютоном морали и закона»²¹. От Гельвеция он почерпнул убежденность в необходимости создания «совершенного законодательства», своего рода прототипа социальной утопии, идеального общественного строя²².

В первом номере «La Civilización», ставшей идейным рупором консервативной партии, в 1849 г. вышла большая редакционная статья о противоречиях и решениях проблем современной эпохи, возможно, принадлежавшая перу Каро. Автор осуждал тот прогресс цивилизации, что ведет к пауперизации населения и созданию условий для появления разрушительных по своим последствиям политических теорий. Он писал: «Промышленное развитие порождает пауперизм большей части населения, и чем быстрее это развитие, тем сильнее разорение людей и тем больше появление огромного числа нищих рабочих». Каро критически относился к демократии как оптимальному общественному устройству. Он писал, что во Франции провозглашена демократическая республика со всеобщим избирательным правом, декларируется приверженность «теориям, провозглашающим гармонию общества». Но Каро задается вопросом: «Смогло ли всеобщее избирательное право удовлетворить голод, одеть людей? Глас голодных рабочих стал еще сильнее!»²³.

Если в Европе социальная утопия была порождением промышленной революции, пролетаризации масс, то в Латинской Америке, где не было подобных социально-экономических условий, общественная мысль тем не менее реагировала как на внутренние социальные противоречия, так и на глобальные тенденции развития в мире, а именно, наступление индустриальной фазы капитализма. Латиноамериканские социальные мыслители, утописты полагали возможным оградить свои страны от пагубного, на их взгляд, влияния индустриализации, со всеми ее негативными последствиями. Самым естественным для них было обращение к испанскому прошлому, к религии и традиционным ценностям, не отвергая при этом либеральных свобод.

В своих трудах Каро часто обращается к проблеме социальной несправедливости, к противостоянию бедности и богатства как ненормальному состоянию общества. В стихотворении «Бедняк» (1840) он противопоставляет безысходность бедности существующему богатству мира. При этом у бедняка есть главное богатство — это Бог²⁴.

Среди консерваторов было немало сторонников социальной справедливости и защиты обездоленных. Один из лидеров и идеологов колумбийского консерватизма середины века Мариано Ospina Родригес утверждал, что богатые — плохие консерваторы, так как подвержены развращенному влиянию своего круга. Идеологи консерваторов Ospina Родригес и Каро исходили из евангельской максимы: блаженны нищие духом... Они считали, что подлинными консерваторами являются простые люди, народ, очень далекий от либеральных мечтаний (надо признать, что в этом они были близки к истинному положению дел, что и подтвердила последующая история). Только простой народ может «объединить в своем сознании идею религии, свободы и справедливости», которые лежат в основании консервативной доктрины²⁵.

В 1840 г. Каро опубликовал в «El Granadino» открытое письмо президенту Хосе Игнасио Маркесу, в котором проанализировал основные социальные противоречия и проблемы развития страны. Особо он остановился на проблеме разделения общества на непримиримо враждебные классы, на противостоянии креольской верхушки и плебейства. Каро был озабочен падением морали правящего класса, его презрением и высокомерием в отношении простого народа. Он писал: «Как мы можем быть свободными при такой ситуации? Мы хотим богатства, не развивая промышленности, жизни и быта без нравственных основ, свободу без религии... Мы хотим, чтобы не было конфликтов в обществе, а сами усиливаем его разделение. Мы хотим, чтобы голодные не восставали, но при этом не хотим предоставить им работу, просвещение и ремесло... Причины наших восстаний три: безверие, аморальность и голод народа»²⁶.

Важнейшим принципом социальной философии Каро было равенство. Он много цитировал А.Токвиля, у которого идея связи религии и принципов равенства особенно привлекала его внимание: «Католичество, приучая верующих к послушанию, готовит их к равенству»²⁷. Равенство было предметом размышления не только либералов и социалистов, но и консерваторов, также считавших его основополагающим принципом общественного устройства.

Для Каро недостатки современной цивилизации очевидны, преодолеть их возможно, но не на основе «объединения рабочих и ремесленников в клубы, где декларируется, что собственность является кражей». Он предлагал принять принципы равенства лишь как «братское равенство христиан»²⁸. Принцип равенства должен быть абсолютным и прежде всего в политической области. Еще в 1848 г., т.е. до прихода к власти либералов в Новой Гранаде, Каро в отличие от своих соратников по партии выступал за всеобщее избирательное право и отмену всех цензовых ограничений. Он писал, что неприемлемо лишать избирательных прав бедняков, ибо никто не может отрицать, что они вполне обладают благородством и добродетелями. Ограничение избирательного права, по мнению Каро, вело к анархии и тирании²⁹. Политическое равенство для Каро — главная предпосылка справедливого и равновесного социального порядка, в котором не должно быть дискриминации низших слоев народа.

Свобода и равенство для Каро были неотделимы от христианской морали, от религии. Он писал: «Не свобода, а мораль актуальна для сегодняшнего дня!»³⁰. В центре его построений всегда находилась христианская религия. Мир и благосостояние общества недостижимы без укрепления веры³¹. В своей работе «Политические декларации» (1849) он утверждал, что суть текущего момента состоит в борьбе с аморальностью либерализма, с рационализацией идеи свободы³². Его кредо: сочетание свободы и веры, т.е. морали. Он писал: «Наше

Карикатура на дискуссию в прессе. «La Jeringa», 16.XII.1849

дело — это законная свобода против свободы дикой, т.е. мы за торжество первоосновы общества — морали, законов, цивилизации и против развала, аморальности, против мятежа и восстаний, против варварства, в конце концов»³³. Под последним он понимал гражданские войны, либеральный радикализм и консервативную неуступчивость, боязнь за свои привилегии и власть.

Каро объявлял ложной либеральную концепцию народного суверенитета, который в условиях Новой Гранады под руководством радикальных либералов вел к анархии и упадку.

Эта концепция не включала в себя важнейший для него принцип справедливости. Следовательно необходимо соединить суверенитет с моралью, с религиозным сознанием³⁴. Вслед за Сен-Симоном и Ламенне Каро в своем стихе «Свобода и социализм» (точнее, в своих пространных пояснениях к стихотворению) предполагал соединить либеральные принципы, идеи прогресса и свободы с христианством, католической церковью, что и было его общественным идеалом. Он писал: «Следование заветам Христа, следование его примеру и составляют подлинную свободу и подлинную республику, суть которых состоит в том, что правители — не хозяева, а слуги своих подданных»³⁵.

Каро был готов принять основные положения программы либеральной партии: народный суверенитет, всеобщее избирательное право, личные права и свободы, веротерпимость, ограничение армии и государства. При этом он призывал не предавать забвению традиционные испанские ценности, прежде всего католическую религию. Он считал, что либеральная партия, или как он писал «красные», исчезнет в тот же миг, когда люди обратятся к подлинному христианству, которое включает в себя все, к чему стремятся либералы³⁶. В его понимании консерватизм состоял в соединении либеральных принципов в экономике и в общественной жизни с религией, с нравственными началами, предлагал сохранить за церковью центральное положение как умиротворяющей политические страсти силы.

В своей критике утилитаризма Каро обращал внимание нового поколения, выросшего уже после завоевания независимости Новой Гранады, на поверхностность их моральных и религиозных убеждений. Он утверждал, что молодежь фактически полностью секуляризировалась, в частности, и под влиянием бентамизма. Каро писал: «Они восприняли религию не по духу ее основ, не сердцем и своей надеждой, а лишь как обрядовую практику и битье поклонов»³⁷.

Главным же врагом и либеральных, и традиционных ценностей, по его мнению, были социализм и коммунизм. Причину появления коммунизма он видел в пауперизме и торжестве вольтерьянства. Он писал: «Эта антисоциальная теория не только результат нищеты, но и логическое следствие вольтерьянства и доказательство последнего»³⁸. Ликвидация нищеты, свобода, мораль — вот главные методы защиты от этого зла. В уже упоминавшемся стихотворении «Свобода и социализм» и в комментариях к нему он в поэтической форме выступал против либерального правительства Х.И.Лопеса, которое считал социалистическим, хотя, как утверждал историк Хайме Харамильо Урибе, в этой работе Каро больше социализма, чем во всех даже самых радикальных актах правительства Лопеса³⁹. Для Каро воплощением социализма было сильное государство, что являлось для него неприемлемым. Социализму он противопоставлял свой проект идеального общественного устройства.

Каро много размышлял над развитием общества и государства в Новой Гранаде. Для него общество являлось не суммой индивидуумов, каждый со своим частным интересом, а единым целым, организмом, у которого есть свои законы развития. В поисках законов, которые управляли бы этим целостным организмом, Каро вслед за Шарлем Фурье предлагал использовать физику Ньютона для объяснения общественных процессов, ибо, по его мнению, цель прогресса состоит в достижении социальной и космической гармонии⁴⁰. Он называл это законом социального притяжения, где общество, как и природа, создает иерархически выстроенный порядок. Следуя за континанской идеей «социальной физики», он задумывает большую философскую работу «Социальная механика», которая увидела свет лишь через 100 лет после его ухода из жизни. В ней «естественная наука» дополняется «наукой моральной», нравственным принципом общественной жизни⁴¹.

У сен-симонизма и континанства Каро воспринял ту часть их теории, которые позволяли отвергать демократию, отрицать индивидуализм и разрозненные структуры общества. Как и для Конта, для Каро средневековое общество было органичным и в определенной степени идеальным. Однако ему не удастся развить эти идеи и построить свою консервативную утопию, и он возвращается к либеральным принципам, провозглашая неоспоримость всех свобод: свободы совести, образования, гражданских и личных свобод, экономических свобод, свободы прессы, мнений, петиций, собраний, выбора⁴². Из незыблемости этих свобод проистекала главная предпосылка идеального общества — это ликвидация или минимизация государства. Своим идеалом он провозглашал общество без правительства, без власти, без необходимого насилия, т.е. установление Царства Божия на земле. Вслед за Ж. де Местром он мечтал о всемирном христианском граде, новом Иерусалиме, где над людьми не будет иной власти, как власти Бога.

Общественная гармония Каро строилась на исторической эволюции человечества от деспотизма к монархии, от монархии к аристократической республике, затем к централизованной, и уже потом к федеративной республике по примеру США. Финалом же этого развития общества будет торжество свободной ассоциации без власти, без правительства, без армий, без войн. Это будет эпоха универсальной, всемирной федерации равных народов при всеобщей солидарности людей. Каро верил, что в будущем исчезнут различные языки, нации, исчезнут классы, в частности, пролетариат, ибо останутся только предприниматели и машины⁴³. Вслед за Сен-Симоном он думал, что роль государства в будущем сведется к нулю.

Отрицая индивидуализм, обращаясь к коллективной религиозности, Каро усматривал наибольшую опасность для человека в государстве, в армии, в аппарате насилия, в чем он по сути смыкался к крайними радикалами из либеральной партии. Он писал: «Власть по своей природе агрессивна по отношению к человеку, она не защищает его, она представляет для человека угрозу. Она есть орудие насилия, которое может действовать как против преступника, так и против невинного человека»⁴⁴. Каро считал злом это положение вещей, особенное беспокойство вызывало у него существование такого института насилия, как армия. В своих социальных конструкциях Каро приблизился к безгосударственному идеалу общества, к квазианархизму.

Социальная утопия Каро состояла, с одной стороны, из христианской проповеди братства, а с другой — в полуанархистской, «индустриалистской» модели общества будущего, в котором либеральные свободы и принципы равенства и братства растворятся в общественной солидарности. Его идейное наследие было настолько своеобразным и неоднозначным, что его идеи не смогли воспринять ни консерваторы, ни либералы. К сожалению, ранняя смерть Каро прервала его плодотворный поиск общественного идеала. За свою короткую жизнь Каро сделал очень многое, но так и не успел систематизировать все свои идеи в единое учение.

Тем не менее идеи Каро нашли свое развитие в работах его современника Мануэля Мариа Мадьеда. Оба эти мыслителя стали основателями колумбийского социал-консерватизма. Сын Хосе Эусебио, Мигель Антонио Каро, хотя и не разделял идеи слияния христианства и либерализма, которые вслед за Ламенне проповедовал его отец, но в конце века говорил о приверженности «христианскому социализму», который «стремится к расширению поля действия бесплатной собственности и который является продуктом великодушия и науки, результатом милосердия». Идеи Каро оставили глубокие корни в общественном сознании Колумбии.

Появление социального консерватизма в Латинской Америке в XIX в. было болезненной реакцией гуманистического направления в общественной мысли на эксцессы наступления фритредерского капитализма, пауперизации и разрушения традиционных ценностей в латиноамериканских обществах после завоевания ими политической независимости. На эту необычную группу мыслителей и политиков большое влияние оказали как европейские идеи романтизма и неосхоластики, так и социализма 1848 г. Большинство консерваторов Латинской Америки идеализировали колониальное прошлое, поддерживали клерикализм и охранительную реакцию. В отличие от них у социал-консерваторов негативные социальные последствия торжества либерального капитализма, разрушение патриархальных связей и традиционных ценностей не вызывали ностальгию по колониальным временам, а побуждали искать иной выход в направлении создания нового, гармоничного общества, где не будет социального расслоения, пауперизма и нищеты большинства населения, ведущих к дезинтеграции всего общественного организма. Социал-консерваторы мечтали о новом обществе, основанном на морали, религии и на принципах подлинного равенства. Они стремились к новому обществу, которое еще предстояло построить, и в этом смысле они были революционерами и утопистами. Идейное наследие этих мыслителей подготовило появление в XX в. в странах региона таких мощных общественно-политических движений, как христианская демократия, социальный консерватизм, движение церкви за социальные реформы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ F.Martínez. El nacionalismo cosmopolita. La referencia europea en la construcción nacional en Colombia, 1845—1900. Bogotá, 2001, p. 175.
- ² О латиноамериканском социальном консерватизме на примере Мексики, Венесуэлы и Новой Гранады см. статью автора: А.А.Щелчков. Социальный консерватизм и христианский социализм в Латинской Америке в XIX в. — Латиноамериканский исторический альманах. М., 2012, №12, с. 87—115.
- ³ Pensamiento conservador (1815—1898). Caracas, 1986, p. XII—XIII.
- ⁴ Подробнее см.: История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI—XIX веков. М., 2010, с. 414—460.
- ⁵ J.E. Caro. Escritos filosóficos. Bogotá, 2003, p. 8.
- ⁶ J.M.Sampere. Historia de un alma. — <http://www.banrepcultural.org/blaavirtual/literatura/hisalma/hisal32.htm>
- ⁷ J.E. Caro. Op. cit., p. 10.
- ⁸ История литератур Латинской Америки: от Войны за независимость до завершения национальной культурной консолидации (1810—1870-е годы). М., 1988, с. 313—314.
- ⁹ J.E. Caro. Obras escogidas en prosa y en verso publicadas e inéditas. Bogotá, 1873, p. 19.
- ¹⁰ Цит. по: История литератур Латинской Америки, с. 313.
- ¹¹ J.E. Caro. Escritos histórico-políticos. Bogotá, 1981, p. 23.
- ¹² J.E. Caro. Ibid., p. 88; J.Jaramillo Uribe. El pensamiento colombiano en el siglo XIX. Bogotá, 1982, p. 81.
- ¹³ J.Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 183.
- ¹⁴ J.E. Caro. Escritos histórico-políticos, p. 23.
- ¹⁵ J.E. Caro. Escritos filosóficos, p. 8.
- ¹⁶ J.Jaramillo Uribe. Entre historia y la filosofía. Bogotá, 1968, p. 126.
- ¹⁷ J.E. Caro. Obras escogidas, p. 223.
- ¹⁸ Ibid., p. XXXVI—XXXIX.
- ¹⁹ Ibid., p. 178.
- ²⁰ J.E. Caro. Escritos histórico-políticos, p. 134.
- ²¹ J.E. Caro. Mecánica social o teoría del movimiento humano considerado en su naturaleza, en sus efectos y en sus causas. Bogotá, 2002, p. 217.
- ²² Г.В.Плеханов отмечал, что именно Гельвеций является одним из главных предшественников утопического социализма XIX в. — Г.В.Плеханов. Сочинения, т. VII. М.-Л., 1925, с. 84.
- ²³ La Civilización. No.1. Bogotá, 09.VIII.1849, p. 2.
- ²⁴ J.E. Caro. Obras escogidas, p. 7.
- ²⁵ G.Colmenares. Partidos políticos y clases sociales. Bogotá, 1997, p. 55.
- ²⁶ J.E. Caro. Obras escogidas, p. 78.
- ²⁷ А.Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992, с. 221.
- ²⁸ La Civilización. No.1, 09.VIII.1849, p. 2—3.
- ²⁹ J.E. Caro. Escritos histórico-políticos, p. 49—54.
- ³⁰ Ibid., p. 60.
- ³¹ J.E. Caro. Obras escogidas, p. XXV.
- ³² J.E. Caro. Escritos histórico-políticos, p. 17.
- ³³ Ibid., p. 128.
- ³⁴ J.E. Caro. Obras escogidas, p. XL.
- ³⁵ Ibid., p. 66.
- ³⁶ G.Colmenares. Op. cit., p. 46.
- ³⁷ J.E. Caro. Obras escogidas, p. 98.
- ³⁸ J.E. Caro. Escritos histórico-políticos, p. 15.
- ³⁹ J.Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 192.
- ⁴⁰ Ibid., p. 197—198.
- ⁴¹ J.E. Caro. Mecánica social, p. 236—237.
- ⁴² J.E. Caro. Escritos histórico-políticos, p. 61—62.
- ⁴³ J.Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 198.
- ⁴⁴ Цит. по: J.Jaramillo Uribe. Op. cit., p. 199—200.